

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ С ВИКТОРИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ В РОМАНАХ САРЫ УОТЕРС КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ФЕМИНИСТСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Илунина Анна Александровна, кандидат филологических наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, Воронеж, Россия, ailunina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3871-7555>

Аннотация. В статье анализируется реализация категории интертекстуальности в романе современной британской писательницы Сары Уотерс «Нить, сотканная из тьмы» / «Affinity» (1999). Целью работы было проследить, каким образом интертекстуальный диалог с викторианской литературой способствует формированию феминистской проблематики произведения. Выявлено, что основными претекстами при создании романа для Уотерс стали «Крошка Доррит» Ч. Диккенса, «Аврора Ли» Э. Баррет-Браунинг, «Поворота винта» Г. Джеймса, романы У. Коллинза. Интертекстуальность также обнаруживает себя на уровне жанра: в «Нити, сотканной из тьмы» присутствуют элементы готического повествования, детектива, сенсационного романа, ньюгейтского романа, женского плутовского романа, которые, в частности, способствуют формированию женской проблематики произведения. Диалог с викторианством позволяет Уотерс поднять вопросы гендерного неравенства в прошлом и настоящем, эксплуатации женщин и прав на реализацию личности своей сексуальной идентичности. Автор одновременно, посредством цитации, реконструирует викторианское прошлое и деконструирует его, акцентируя внимание на ненадежности и противоречивости репрезентирующих его письменных источников. Для Уотерс обращение к викторианству – это способ привлечь внимание к проблемам, которые, по мнению писательницы, до сих пор актуальны в британской культуре, таким как сексуальность, класс и гендер.

Ключевые слова: интертекстуальность, современная британская литература, неовикторианский роман, феминизм.

Для цитирования: Илунина А.А. Интертекстуальный диалог с викторианской литературой в неовикторианских романах Сары Уотерс как средство реализации феминистской проблематики // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 141-146. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-141-146>

Research Article

INTERTEXTUAL DIALOGUE WITH VICTORIAN LITERATURE IN THE NOVELS BY SARAH ANN WATERS AS A MEANS OF IMPLEMENTING FEMINIST ISSUES

Anna A. Ilunina, Candidate of Philological Sciences, Morozov Voronezh State Forest Engineering University, Voronezh, Russia, ailunina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3871-7555>

Abstract. The article presents an analysis of the implementation of the category of intertextuality in the novel «Affinity» (1999) by the British writer Sarah Ann Waters. The aim of the work was to trace how the intertextual dialogue with the Victorian literature contributes to the formation of the feminist issues of the work. It is revealed that the main pretexts when creating a novel for Waters were «Little Dorrit» by Charles John Huffam Dickens, «Aurora Leigh» by Elizabeth Barrett Browning, «The Turn of the Screw» by Henry James, and novels by William Wilkie Collins. «Affinity» has elements of Gothic narrative, a detective, a sensational novel, the Newgate novel, picaresque novel, contributing to the formation of women's issues. The dialogue with Victorianism allows Waters to raise issues of gender inequality in the past and present, the exploitation of women, and the rights of individuals to realise their sexual identity. For Waters, turning to Victorianism is a way to draw attention to issues that, according to the writer, are still topical in British culture, such as sexuality, class and gender.

Keywords: intertextuality, neo-Victorian novel, contemporary British literature, feminism.

For citation: Ilunina A.A. Intertextual dialogue with Victorian literature in the novels by Sarah Ann Waters as a means of implementing feminist issues. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 141-146 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-141-146>

Сара Уотерс / Sarah Waters (род. 1966), современная британская писательница, является на сегодняшний день автором шести романов, становившихся мировыми бестселлерами и удостоившихся престижных литературных премий (Betty Trask Award, Stonewall Book Award, премия Сомерсета Моэма). Писательница трижды была номинирована на Букеровскую премию (2002, 2006, 2009).

Три произведения Уотерс («Бархатные коготки» / «Tipping the Velvet» (1998); «Нить, сотканная из тьмы» / «Affinity» (1999); «Тонкая работа» / «Fingersmith» (2002)) единодушно относятся исследователями к жанру неовикторианского романа (термин Д. Шиллер) – «исторического романа, соединяющего в себе постмодернистскую историографичность с традиционным культурно-историческим подходом и обращающегося в прошлое для того, чтобы проследить, как это прошлое видоизменяется под воздействием современных событий» [Shiller: 40]. Вступая в интертекстуальный диалог с литературой XIX в. посредством заимствования, переработки тем и сюжетов, явной и скрытой цитации, автор неовикторианского романа стремится «переосмыслить и интерпретировать не только викторианские тексты, но и викторианскую культуру в целом и, что самое главное, посмотреть на нее с позиций современности» [Скоруходько: 60]. Для Уотерс актуальными направлениями переосмысления викторианского претекста становятся гендерный и феминистический. Сама писательница, являясь участницей организаций по защите прав женщин и называя феминизм «частью борьбы против всех проявлений неравенства» (цит. по: [Jones: 2]), активно репрезентует в своем творчестве актуальную феминистическую повестку.

В данной статье мы ставим целью на материале романа Уотерс «Нить, сотканная из тьмы» проследить, каким образом интертекстуальный диалог с викторианской литературой способствует формированию феминистской проблематики произведения. Для решения задач исследования нами были применены биографический, культурно-исторический, сравнительный, интертекстуальный методы литературоведческого анализа. Научно-критическое осмысление творчества Уотерс активно ведется в зарубежном литературоведении [Kaplan; Onega; Schaff; O'Callaghan; Jones], интерес к ее романам среди отечественных ученых, пока не слишком значительный [Скоруходько; Кохан 2019а; Кохан 2019в; Кохан 2020], тоже растет, что, на наш взгляд, определяет актуальность данного исследования.

Основное действие романа «Нить, сотканная из тьмы» происходит осенью 1874 – зимой 1875 года. Главная героиня, 29-летняя незамужняя, по меркам викторианства, «старая дева» Маргарет Приор, тяжело пережившая смерть своего горячо любимого отца-историка и даже совершившая на этой почве попытку самоубийства, начинает, с целью продол-

жить его дело и написать социологическое исследование, а также излечиться от затяжной депрессии, посещать лондонскую тюрьму Миллбанк. Там она знакомится с юной заключенной Селеной Дауэс, медиумом, отбывающей наказание за насилие и мошенничество: одна из клиенток Селены погибла во время проводимого ей спиритического сеанса. У Маргарет непростые отношения с матерью, стремящейся, не без оснований, судя по прошлому героини, ее всецело контролировать, она против посещения тюрьмы болезненной и экзальтированной дочерью, но Маргарет серьезно увлекается Селеной и, уверовав в ее невиновность и сверхъестественные способности, соглашается способствовать побегу девушки из тюрьмы.

В романе Уотерс отсутствует всезнающий повествователь от третьего лица, характерный для классического викторианского романа. «Нить, сотканная во тьме», по традиции историографического метаромана исследующая прошлое с маргинальной, в данном случае женской перспективы, представляет собой чередование отрывков из дневников Маргарет Приор и Селины Дауэс. «Интересно, почему мужской голос так отчетлив, а женский так легко приглушить» [Уотерс: 75], – вслед за героиней задается вопросом автор. Стремясь опровергнуть господствующую в западной культуре идеологию «гегемонной маскулинности и идеализированной фемининности» [Леонтьева: 134], постмодернистская литература конца XX – начала XIX в. активно внедряет понятия женского взгляда, призванного представить более полную, чем андроцентричная, картину реальности. В то же время создается ситуация двойственности и вероятной «ненадежности» одного или обоих рассказчиков, подвергающее сомнению объективное освещение прошлого, исходя из текстовой его природы.

Одним из наиболее очевидных претекстов «Нити, сотканной из тьмы» можно считать роман Чарльза Диккенса / Charles Dickens (1812–1870) «Крошка Доррит» / «Little Dorrit» (1855–1857). Неслучайно именно его мисс Приор читает вечерами своей матери. Главная героиня романа Диккенса, в образе которой классик викторианской прозы «воплотил абсолютную доброту, любовь и чистоту» [Андреева: 16], родилась и выросла в Лондоне, в долговой тюрьме Маршалси. У читателя возникает параллель между Эми Доррит и Селеной, обманчивая уверенность, что кроткая, ангельская внешность Дауэс, как и у героини Диккенса, является отражением внутренних качеств. В сравнении, образ Селены кажется даже более возвышенным, отреченным от земного, англоподобным:

«Откинув голову и закрыв глаза, она сидела на деревянном стуле. Забытое вязанье лежало на ее коленях, руки были слегка сцеплены, а повернутое к окну лицо ловило жар солнца, озарившего желтое стекло. В солнечном луче резко выделялся тюремный знак – войлочная звезда, небрежно

вырезанная и криво пришитая к рукаву ее бурого платья. Из-под чепца выбилась прядь светлых волос, бледное лицо оттеняло линии бровей, губ и ресниц. Определенно, в ней была схожесть со святой или ангелом с картины Кривелли. Я разглядывала ее с минуту; за все это время она не пошевелилась и глаз не открыла. В этой неподвижности было нечто набожное, и я, вдруг смутившись, решила, что она молится, и уже хотела отвести глаза. Но вот она шевельнулась» [Уотерс: 9]. Сравним: «Оставалась в памяти прозрачная бледность этого лица... красотой оно не отличалось, хороши были только бархатные карие глаза. Слегка склоненная голова, тоненькая фигурка... такова была Крошка Доррит за работой» [Диккенс: 42].

В романе Уотерс сама Маргарет, в силу небольшого личного опыта, опирающаяся больше на опыт литературный, прежде всего сентиментальной поэзии и нравоучительной прозы, экстраполирует книжные штампы на более сложную и амбивалентную реальность. Интересна символика созвучных имен двух возлюбленных Маргарет (Селена – в переводе с греч. «лунная» и Хелена – в переводе с греч. «солнечная»), намекающая на внутреннюю сущность героинь.

Тюрьма Маршалси у Диккенса – «один из ключевых пространственных топосов романа... чужой, отдельный от Лондона мир, несмотря на то, что находится в его границах» [Андреева: 16]. В романе Уотерс ее зеркальным отражением является тюрьма Миллбанк, реально существовавшая в Лондоне в XIX в. Страницы романа, повествующие о суровой жизни заключенных в Миллбанке женщин, деталях их тюремного быта являются плодом, в частности, научных изысканий Уотерс в процессе подготовки ею академической статьи в конце 1990-х (см.: [Waters]). Писательница в «Нити, сотканной из тьмы» затрагивает женскую проблематику содержания в тюрьмах в XIX в., например жестокую практику обрезания женщинам волос при поступлении в учреждение, запрет на ношение удобной одежды и белья, недостаток средств гигиены. Миллбанк был задуман идеологом викторианского утилитаризма И. Бентамом (1748–1832) как Паноптикум – воплощение идеи всевидящей власти (все камеры тюрьмы могли постоянно и незаметно для заключенных просматриваться и прослушиваться надзирателями). Позднее французский философ М. Фуко связал Паноптикум с «технологией власти, способной решать задачи надзора» [Фуко: 223] и увидел в нем воплощение идеи дисциплинарного общества в целом. Для Уотерс в романе важнее, что тюрьма Миллбанк вырастает в метафору положения женщины в викторианском обществе. Неслучайно Маргарет кажется, что мать следит за ней, будто надзирательница, в богатом доме она чувствует себя заключенной, скованной рамками условностей и морали: «Осторожно – даже хлорал не лишает меня бдительности – вожу

пером по бумаге, чтобы не услышала мать, если подкрадется и прикиннет ухом к филенкам двери. С нее станет и подглядывать в замочную скважину, которую я заткнула тряпкой» [Уотерс: 73]. Женщины в обществе разделены на классы, как заключенные Миллбанка на зоны-литеры, но каждая в своей мере испытывает на себе плоды патриархальной эксплуатации и неравенства.

Важным претекстом романа видится нам также роман в стихах знаменитой викторианской поэтессы Элизабет Баррет-Браунинг / Elizabeth Barrett-Browning (1806–1861) «Аврора Ли» / «Aurora Leigh» (1856). В общении с Селеной Маргарет называет себя Авророй, а когда планирует побег с Селеной из Англии в Италию, делает ей документы на имя Мэриан Эль. Это имя носила в поэме Баррет-Браунинг героиня из низов, с рождения ставшая жертвой социальной несправедливости, но сохранившая добросердечие и высокие нравственные качества. Подобно Авроре Ли, Маргарет мечтает спасти Селену и жить с ней в счастливом союзе в Италии. Подобно Авроре Ли, Маргарет мечтает и о творческой и профессиональной самореализации. Героиня поэмы Баррет-Браунинг, «одаренная молодая особа... на пути к своей цели – сделаться известной поэтессой – сталкивается со всеми притуплениями этой стезе испытаниями» [Халтрин-Халтурина: 42], которые успешно преодолевает. «Имя Аврора символизирует зарю новой эпохи, дарующей женщинам свободу выбора творческой профессии» [Халтрин-Халтурина: 42].

Очевидны проекции судьбы самой Баррет-Браунинг на образ Маргарет. С юности терзаемая тяжелым недугом, знаменитая викторианская поэтесса смогла преодолеть болезнь, семейную тиранию и достигнуть успеха как в личной жизни, так и в поэтической карьере. Ее муж, тоже знаменитый поэт Роберт Браунинг / Robert Browning (1812–1889), увез ее в Италию, где Элизабет провела остаток жизни.

В реальности романа Уотерс Маргарет намного труднее претворить в жизнь свои планы. «Женщин учат поступать единообразно – в этом их функция. Лишь такие, как я, расшатывают и отбрасывают подобную систему» [Уотерс: 68], – считает героиня. Она не находит поддержки у близких. Мать полагает, что ее эксцентричность дискредитирует всю семью, грубо намекая, что дочери не удалось реализоваться в практически единственной очевидно социально приемлемой для викторианской женщины сфере – замужестве:

«Маргарет, ты не миссис Браунинг, как бы тебе того ни хотелось. Ты даже не миссис Такая-то. Ты всего лишь *мисс Приор*. И твое место – сколько раз еще повторять? – здесь, возле матери» [Уотерс: 83].

Деверь Маргарет скептически настроен по отношению к проектам Маргарет, уже исходя из того, что из-под пера женщины не может выйти ничего стоящего и разумного: «Вспомнилась реплика Ар-

тура: мол, женщины способны лишь на сердечные дневники» [Уотерс: 78].

В то же время нельзя исключить и пародийный элемент повествования, сопряженный с образом мисс Приор, вероятно, отчасти переоценивающей свой ум и социальную миссию.

Показательно, что проводниками мизогинии и угнетения в романе часто оказываются сами женщины (миссис Приор, надзирательницы). Таким образом, автору удается передать укорененность патриархальных установок в сознании женщин, которые становятся агентами самодискриминации.

Реализации Маргарет в личностном плане мешает не только стигматизация ее окружением как «старой девы», но прежде всего – ее противоположные и неприемлимые с точки зрения морали общества интимные склонности. Мисс Приор представляет, что будет, если отвести Селену не в Италию, а к сестре в Маришес, сидеть с ней за ужином, спать в одной постели, и размышляет, что не знает, чего больше «испугается родня: того, что она спиритка, что осужденная или что женщина» [Уотерс: 102].

Табуирование чувственных сторон жизни, характерное для викторианской морали, оборотной стороной которого оказывается лицемерие и ханжество, а жертвами – чаще всего женщины, находит свое отражение в романе Уотерс. На страницах произведения перед читателем проходит целая вереница трагических судеб заключенных и надзирательниц, соблазненных работодателями и отвергнутых близкими, потому что от связи были рождены незаконнорожденные дети (Джейн Хой, Мери Энн Кук, Джейн Бонн, миссис Джелф). Одна из таких женщин, Мери Энн Кук, не могла получить работу и, боясь потерять съемное жилье, хотела заглушить плач ребенка, спрятав его в пеленках, что послужило причиной гибели малыша. Рассказ звучит из уст «ненадежного рассказчика», однако, даже если женщина стала убийцей намеренно, ее явно подтолкнули к этому тяжелые жизненные обстоятельства. Запрет на публичное выражение чувств влюбленными в общественных местах стал причиной заключения Эллен Пауэр, обвиненной в содержании притона. Услышанное в Миллбанке побуждает Маргарет иначе взглянуть на окружающих ее джентльменов: «Жаль, что она такая дурнушка, – сказала Прис, глядя в окно на уходившую служанку. Я улыбнулась. Но затем возникла ужасная мысль. Я вспомнила Мэри Энн Кук, которой домогался хозяйский сын, и подумала, что в доме бывают мистер Барклей и мистер Уоллес, порой заглядывают приятели Стивена... Нет, хорошо, что девушка не красавица» [Уотерс: 23].

«Соблазненная и покинутая» – можно воспринимать уже как трузизм классической литературы, но в романе «Нить, сотканная из тьмы» автор подчеркивает натуралистический, близкий к социологическому подход в изображении этого

явления, подчеркивая его массовость и разрушая сентиментальность и назидательность развязки.

Успех Селены как медиума во многом зиждется на раскрытии табуированной викторианской моралью чувственности клиенток, происходящей посредством телесных игр «духа» Питера Квика в лице ее сообщницы Рут Вайгерс во время спиритических сеансов. Вероятно, «избранное Уотерс мужское имя отсылает к знаменитому “злому духу” Питера Квина из “Поворота винта” Генри Джеймса» [Коган 2019в: 195] (Henry James (1843–1916), «The Turn of the Screw», 1898). Действительно, одним из вариантов трактовки событий у Г. Джеймса можно также считать психологические и сексуальные фрустрации героини, развившиеся в результате давления викторианской морали в вопросах пола и греха.

Одной из важных в романе с точки зрения феминистической проблематики является проблема наркотической зависимости в викторианскую эпоху среди женщин-домохозяек среднего и высшего сословия. Считалось, что медицинская польза от применения опиума перевешивает потенциальный вред. Постоянный прием предписанных врачами хлорала и лаунданума (опиумной настойки) стал одной из причин чрезмерной экзальтации Маргарет Приор и ее трагического конца. Литературные аллюзии в викторианской литературе на опиумную зависимость достаточно обширны: так, на страницах романа Уотерс упомянуты Э. Баррет-Браунинг, Уильям Уилки Коллинз / William Wilkie Collins (1824–1889) («Лунный камень» / «Moonstone» (1868); «Армадейл» / «Armadale» (1864)).

Интертекстуальность реализуется и на уровне жанра: в «Нити, сотканной из тьмы» присутствуют элементы готического повествования, детектива, сенсационного романа, ньюгейтского романа, которые, в частности, «работают» и на формирование женской проблематики романа. Так, бледная, экзальтированная и склонная к частым обморокам Маргарет обнаруживает черты готической героини (см.: [Parker: 6]), однако местом ее заключения оказывается не таинственный замок, наполненный призраками, а собственный, вполне комфортабельно обставленный викторианский особняк, и причины ее «заточения» не паранормальные, а вполне социально и гендерно обусловленные. Подобно героям ньюгейтских и сенсационных романов, Селена Дауэс и, прежде всего, Рут Вайгерс совершают настолько ловкие и продуманные преступления, что читатель даже почти готов проникнуться к ним восхищением. Изначально угнетенные обществом в гендерном и социальном плане, они не занимают пассивную роль, закрепленную за женщиной викторианством, а предпочитают активную, хоть и аморальную, жизненную позицию. Здесь можно говорить и о цитировании из более ранней, по сравнению с викторианской, литературы образа пикаресной героини («Моль Флендерс» /

«Moll Flenders» (1722) Даниеля Дефо / Daniel Defoe (1660–1773)).

В романе «Нить, сотканная из тьмы» Уолтерс отходит от практики цитирования характерного для ранневикторианского, «диккенсовского» романа «счастливого финала»: «Финал должен быть апокалипсисом, Страшным Судом – добрые вознаграждаются, злых постигает кара... негодяи тонут или убивают друг друга, надменные богачи разоряются, а герои благоденствуют» [Цвейг: 258]. Впрочем, и 1870-е, к которым относится время действия романа, уже не были временем безоглядного оптимизма в литературе. Как и большинству викторианок, Маргарет Приор не суждено победить систему, и она горько осознает тщетность своих попыток самореализоваться. К тому же, убедившись в предательстве Селены, одурманенная наркотиками, она, вероятно, кончает жизнь самоубийством: «О, до чего я устала! Наверно, во всем Лондоне нет никого, кто был бы так изнурен, – ну разве что река, которая под равнодушным небом несет своим привычным путем свои воды к морю. Какой глубокой, черной и густой она кажется нынче! Какой мягкой выглядит ее поверхность. Как, наверно, холодна ее глубина» [Уотерс: 114]. В романе «Крошка Доррит» также «образ реки... связан с мотивом смерти. <...> Здесь смерть не воля providения, а решение человека – самоубийство» [Андреева: 16].

Таким образом, интертекстуальный диалог с викторианской литературой (Ч. Диккенс «Крошка Доррит», Э. Баррет-Браунинг «Аврора Ли», Г. Джеймс «Поворота винта», романы У. Коллинза и др.) является в романе «Нить, сотканная из тьмы» средством реализации феминистической проблематики и позволяет С. Уотерс поднять вопросы гендерного неравенства и эксплуатации женщин в прошлом и настоящем, мизогинии, прав на реализацию личности своей сексуальной идентичности, подвергнуть критике патриархальность викторианского института семьи и брака. Писательница связывает психологические и сексуальные фрустрации героинь с давлением викторианской морали в вопросах пола и греховности. Автор одновременно, посредством цитации, реконструирует викторианское прошлое и деконструирует его, акцентируя внимание на ненадежности и противоречивости репрезентирующих его письменных источников. По свидетельству самой Уотерс, для нее диалог с викторианством – «это способ обратиться к проблемам, которые до сих пор очень, очень актуальны в британской культуре, таким как класс и гендер, подавленная сексуальность... То, с чем, как мы считаем, у нас все в порядке, что на самом деле далеко не так, и мы возвращаемся в девятнадцатый век, когда эти проблемы были еще глобальнее, чтобы разобраться в них, потому что эти вопросы и сегодня не теряют своей злободневности» (перевод наш. – И. А.) [Ladies in Peril: 45].

Список литературы

- Андреева Д.А. Образ реки в романе Ч. Диккенса «Крошка Доррит» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-1 (38). С. 15–18.
- Диккенс Ч. Крошка Доррит / пер. с англ. Е. Калашникова. М.: Азбука, 2019. 960 с.
- Кохан О.Н. «Нить, сотканная из тьмы» (1999) Сары Уотерс как экспериментальный историографический роман // Новое прошлое. 2019а. № 3. С. 202–213.
- Кохан О.Н. «Ньюгейтский роман» в художественной концепции Сары Уотерс // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 3. С. 139–150.
- Кохан О.Н. Призраки и спиритизм в неовикторианском романе Сары Уотерс «Affinity» // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы IV Междунар. науч. конгресса / под ред. Е.В. Полховская. 2019в. С. 193–197.
- Леонтьева К.И. Художественный перевод и гендер: адаптация в формате «Woman/manhandling» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18). С. 133–135.
- Скороходько Ю.С. Неовикторианский роман как форма интертекстуального диалога с викторианством в английской литературе // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2015. № 2 (10). С. 59–68.
- Уотерс С. Нить, сотканная из тьмы / пер. с англ. А. Сафронова. М.: Эксмо-Пресс, 2011. 480 с. URL: https://bookscave.net/read/uoters_saranit_sotkannaya_iz_tmy-61568.html (дата обращения: 15.01.2021) (In Russ.)
- Фуко М. Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 220–247.
- Халтрин-Халтурина Е.В. Поэма «Аврора Ли» Элизабет Баррет-Браунинг как памятник викторианской литературы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 6. С. 41–46.
- Цвейг А. Диккенс / пер. с нем. Ф. Зайбеля // Тайна Чарльза Диккенса. М.: Книжная палата, 1990. С. 243–262.
- Kaplan C. "Fingersmith"'s Coda: Feminism and Victorian Studies. *Journal of Victorian Culture*, 13/1 (Spring 2008), pp. 42–55.
- Ladies in Peril: Sarah Waters on neo-Victorian narrative celebrations and why she stopped writing about the Victorian era. Interview. *Neo-Victorian Studies*, 1:1 (Autumn 2008), pp. 41–55.
- O'Callaghan C. Sarah Waters Gender and Sexual Politics. London, Bloomsbury Academics, 2017, 196 p.
- Jones A. Sarah Waters's Feminisms. Sarah Waters and Contemporary Feminism, ed. by Jones A., O'Callaghan. London, Palgrave Macmillan, 2016, pp. 1–21.

Schaff B. On Not Being Mrs Browning: The Revisionist Feminism of Sarah Waters's Neo-Victorian Trilogy *Anglistik: International Journal of English Studies*, 24/1 (March 2013), pp. 63–75.

Shiller D. The redemptive past in the neo-Victorian novel. *Studies in the novel*, 1997, vol. 29, № 4, pp. 538–560.

Waters S. Interview by Ron Hogan, 2002. Indiebound. URL: <http://www.Indiebound.org/author-interview/waterssarah> (дата обращения: 15.01.2021).

References

Andreeva D.A. *Obraz reki v romane CH. Dikkensa «Kroshka Dorrit»* [The Image of River in the Novel «Little Dorrit» by Charles Dickens]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2014, № 8-1 (38), pp. 15–18. (In Russ.)

Dickens CH. *Kroshka Dorrit* [Little Dorrit], trans. E. Kalashnikova. Moscow, Azbuka Publ., 2019, 960 p. (In Russ.)

Kohan O.N. “Nit', sotkannaya iz t'my” (1999) *Sary Uoters kak eksperimental'nyj istoriograficheskij roman* [“Affinity” (1999) by Sarah Waters as an experimental historiographic novel]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2019a, № 3, pp. 202–213. (In Russ.)

Kohan O.N. «N'yugejtskij roman» v *hudozhestvennoj koncepcii Sary Uoters* [Newgate novel in the artistic conception of Sarah Waters]. *YUzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences], 2020, № 3, pp. 139–150. (In Russ.)

Kohan O.N. *Prizraki i spiritizm v neoviktorianskom romane Sary Uoters Affinity* [Spirits and Spiritism in “Affinity” by Sarah Waters]. *Inostrannaya filologiya. Social'naya i nacional'naya variativnost' yazyka i literatury* [Foreign Philology. Social and National Variability of language and Culture]: materialy IV Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa, ed. by E.V. Polhovskaya, 2019v, pp. 193–197. (In Russ.)

Leont'eva K.I. *Hudozhestvennyj perevod i gender: adaptaciya v formate «Woman/manhandling»* [Artistic translation and gender: adaptation in the form of «Woman/manhandling»]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2012, № 7 (18), pp. 133–135. (In Russ.)

Skorohod'ko YU.S. *Neoviktorianskij roman kak forma intertekstual'nogo dialoga s viktorianstvom v anglijskoj literature* [Neo-Victorian novel as a form of intertextual dialog with Victoriasm in English Literature]. *Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i civilizacij* [World Literature on the crossroads of cultures and civilizations], 2015, № 2 (10), pp. 59–68. (In Russ.)

Waters S. *Nit', sotkannaya iz t'my* [Affinity], trans. A. Safronova. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2011, 480 p. URL: https://booksafe.net/read/uoters_saranit_sotkannaya_iz_tmy-61568.html (access date: 15.01.2021) (In Russ.)

Foucault M. *Oko vlasti* [The Eye of Power]. Foucault M. *Intellektualy i vlast'* [Intellectuals and Authorities]. Moscow, Praxis Publ., 2002, pp. 220–247.

Haltrin-Halturina E.V. *Poema «Aurora Li» Elizabet Barret-Brauning kak pamyatnik viktorianskoj literatury* [The Poem “Aurora Leigh” by Elizabeth Barrett-Browning as a monument of Victorian Literature]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Philology], 2017, vol. 76, № 6, pp. 41–46.

Zweig A. *Dickens* [Dickens], trans. F. Zajbelya. *Tajna CHarl'za Dikkensa* [The Mystery of Charles Dickens]. Moscow, Knizhnaya palata Publ., 1990, pp. 243–262.

Статья поступила в редакцию 18.01.2021; одобрена после рецензирования 30.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 18.01.2021; approved after reviewing 30.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.